

Федор Сологуб. Баранчик

I

В деревне Хотимирицы на пророка Илию праздновали. Со всей округи сходились и съезжались гости, и ели и пили, и пировали и день, и два, и три, переходя из дома в дом.

Хозяйственный мужик Влас готовился загодя, – наварил пива, накупил водки, зарезал барана.

Когда он взял нож и пошел резать барана, его дети, Аниска и Сенька, пошли за ним, стали близко и смотрели. Аниске доходил пятый год, Сеньке начинался четвертый, – все-то им было вновь, все-то их забавляло.

Баран был весь белый, – и волосенки у ребят были белые. Ребята стояли, взявшись за руки, и дивились, и тарасили светлые глазенки. Баран заблеял, кровь полилась, красная да широкая, – страсть, как весело!..

Дети, лепеча и толкаясь, мешали отцу. Он прикрикнул на них, – и ребяташки смеючись побежали прочь.

II

Отец ушел в поле, мать по дому хлопотала, дети играли себе на дворе. И сказала Аниска Сеньке:

– Сенька, а Сенька? Давай играть в баранчика.

Засмеялся Сенька, говорит, – а сам еще и выговорить чисто не умеет:

– Давай, – говорит, – пусть я баранчиком буду.

– Ну, ладно, – говорит Аниска, – ты пусть баранчиком будешь, а я тебя по горлышку ножиком чик-чик.

– А кровь пойдет? – спросил Сенька, – красная, широкая?

– Пойдет, – сказала Аниска.

И оба засмеялись, зарадовались.

– А ножик где мы возьмем? – спросил Сенька.

– Как-никак разживемся, – отвечала Аниска, – у мамки скрадем.

Тихохонько пробрались ребятки в избу, – а матери ни к чему, знай себе дрова в печь накладывает, жарено всякое, да пироги жданные про гостей готовить хочет. Стащили ребята нож, большой, большой, каким хлебы руют, – а мать и не видит, до ребят ли ей.

Побежали дети во двор, забились в угол.

– Ну, режь скорее, – лепечет Сенька.

Сам заблеял, таково жалобно, словно баранчик, – сам засмеялся, и сестренку насмешил. И взяла его Аниска за плечи, опрокинула на спину, повалила на землю, – все блеял Сенька.

Полоснула Аниска ножом по Сенькину горлу. Затрепыхался Сенька, захрипел. Кровь, – широкая, красная, – хлынула на его белую рубашонку и на Анискины руки. Кровь была теплая да липкая, Сенька затих.

– Баранчик, баранчик! – закричала Аниска, и засмеялась.

А самой с чего-то холодно стало.

– Ну, вставай, что ли, Сенька! – закричала она, – будет.

Не хотел Сенька вставать, и кровь уже не текла, и слиплись Анискины руки. Сенька лежал, скорчившись, и все молчал, – страшно стало Аниске, побежала она от Сеньки.

Шмыгнула в избу, от матери прячется, полезла в печку, – а сердце-то у нее в груди тяжелое. Забралась Аниска в печку на дрова, сидит, молчит, вся дрожит. Страх на нее напал и тоска, и не поймет Аниска, что такое случилось.

Начала мать затоплять печку, – ничего не слышит Аниска, сидит, не подает голосу. Тяжко да быстро бьется маленькое сердце, ничего не видит Аниска тоскливыми глазами.

Дрова плохо разгорались, пошел дым, наполнил всю печку, задушил Аниску.